

Глава 14

Лу Ян и Се Янь прошли быстрым шагом довольно большое расстояние. Лишь когда деревня скрылась из виду, они замедлили шаг.

Се Янь, привыкший к сидячему образу жизни, был физически слаб. Пройдя совсем немного, он почувствовал, что ноги его словно прилипли к земле, и каждый шаг давался с огромным трудом.

Лу Ян усадил его отдохнуть у дороги и рассмеялся:

— Ты что, всю свою силу на мне истратил?

Се Янь не ожидал, что его супруг может говорить такие дерзкие речи среди бела дня. Его лицо залилось краской.

Лу Яну нравилась его реакция: он выглядел таким наивным, удивлялся всему, а поняв, в чем дело, реагировал прямо и без жеманства.

Такая отзывчивость, по мнению Лу Яна, таила в себе большой потенциал для «перевоспитания».

Убедившись, что вокруг никого нет, он поцеловал Се Яня.

— Когда ты сегодня утром сидел на пороге и смотрел на меня, ты ведь хотел меня поцеловать, да? У тебя был такой взгляд, будто ты готов меня съесть.

Хотя Лу Ян и убедился, что они одни, Се Янь все равно испуганно огляделся по сторонам и, прижав руку к сердцу, сказал:

— Прошу, не говори так, иначе я не смогу отдохнуть.

— Хорошо, — громко рассмеялся Лу Ян. — Оставим это на вечер.

Ученые люди обладают богатым воображением. Се Янь вспомнил прошлую ночь, когда они «делали детей», и как его покорила дикая натура Лу Яна. Он тут же сник.

Его сил было явно недостаточно.

Отдохнув, они снова отправились в путь.

Они торопились, сегодня у них были важные дела, и Лу Ян вел себя в дороге сдержаннее.

Друга Се Яня звали У Чжи-гао, второе имя — Пин-чжи. Однокашники звали его У Пин-чжи.

Его семья владела суконной лавкой, и у них были магазины даже в столице префектуры, дело было поставлено на широкую ногу.

Лу Ян слышал о господине У, владельце суконной лавки, но для такого простого человека, как он, это была недостижимая высота. Он и не думал, что, женившись, сможет побывать в гостях у семьи У.

Но им не повезло: сегодня господин У вместе с У Пин-чжи уехал в столицу префектуры. Конец года, нужно было проверять счета.

Этот план провалился, и Лу Ян решил пойти к восточным воротам, чтобы найти знакомых.

Се Янь был неважным ходяком, и они, посоветовавшись, решили, что он отдохнет в их лавке.

Лавка семьи Се была небольшой. Раньше здесь торговали рисом, но дело не пошло, отчасти потому, что у них не было связей для поставок, а отчасти из-за неумения управлять.

После закрытия они хотели сдать ее в аренду, но из-за назойливых деревенских родственников никак не могли этим заняться.

Внутри было довольно чисто, только пыльно, и все было вынесено.

Лу Ян протер для Се Яня стул и стол, положил перед ним исписанные бумаги и велел ему почитать, чтобы скоротать время.

Се Янь промолчал.

«Даже в такой короткий перерыв нужно читать. Похоже, мой супруг возлагает на меня большие надежды».

— Чжуаньюань-лан, ты не боишься оставаться один? — с улыбкой спросил Лу Ян, словно уговаривая ребенка.

— Я правда не сдам... — начал было Се Янь.

Лу Ян не придавал этому значения.

Чжуаньюанем становился лишь один человек раз в три года, он просто так его называл.

Он был вредным и любил поддразнивать Се Яня, видя, как тот мучается, но не смеет возразить.

— Тогда почитай побольше, — сказал Лу Ян.

Се Янь снова сделал унылое лицо.

Лу Ян, смеясь, ушел.

Выйдя на улицу, он побежал, торопясь к восточным воротам.

Там находилось место, где семья Чэнь больше десяти лет держала свою мастерскую по изготовлению тофу, и где он вырос.

Все его связи были там. Хотя сегодня он и не собирался идти в управу, ему нужно было нанять стражника, чтобы тот поехал с ними в деревню и переночевал у них, для острастки местных жителей.

Если ничего не предпринять, они поймут, что это был лишь блеф, и в будущем станут еще наглее.

Каким бы грозным он ни был, против толпы он был бессилён. И тогда все повторится, и чтобы вырваться из этого круга, придется драться не на жизнь, а на смерть.

По дороге он купил два кувшина вина Цзинхуа, потратив четыре цянтя серебра.

Это вино было родом из столицы, крепкое и насыщенное, очень бодрящее.

С кувшинами в руках он свернул в переулок и уверенно постучал в дверь дома семьи Ло.

Братья Ло служили в управе. Хоть и на низких должностях, простыми стражниками, но в своей форме они ходили по улицам, и никто не смел им перечить.

Лу Ян вырос вместе с ними, братья Ло были старше его на пять лет. В детстве он восхищался сильными людьми и любил играть с братьями Ло, которые были заводилами на всей улице.

Когда он уезжал с Старинной Чэнем в деревню, братья Ло очень не хотели его отпускать и даже пытались его сосватать, чтобы оставить в уезде.

К сожалению, выкуп был слишком мал, и Старина Чэнь не согласился.

«Так даже лучше, — подумал Лу Ян, — по крайней мере, я встретил своего родного брата и вернулся к своим отцам».

Дверь открыла жена старшего брата Ло. Увидев его, она очень обрадовалась и поспешила впустить его в дом.

— Ян-гээр пришел! — крикнула она вглубь дома и добавила, обращаясь к Лу Яну: — Зачем ты с вином? Мы же как одна семья.

— Я женился, — улыбнулся Лу Ян, — а вас на пир не позвал, вот и переживал. Сегодня приехал в уезд и специально купил вина, чтобы угостить брата и невестку.

Он уехал в деревню совсем недавно и уже успел жениться. Старшая невестка Ло была удивлена и сочувственно вздохнула.

— За такое короткое время разве можно узнать человека? Вы столько лет не были в деревне, кого вы там знаете? Старина Чэнь — негодяй. Куда ты женился? Семья хорошая?

Она говорила быстро, расспрашивая о дате свадьбы, выкупе, приданом, и, услышав ответы, несколько раз выругалась.

Ло Да-юн был дома. Он прикинул, что если Лу Ян женился вчера, а сегодня уже приехал в уезд, значит, что-то случилось. Он жестом велел жене замолчать.

— Случилось что-то? — спросил он Лу Яна. — Ты только скажи, если что-то в моих силах, я сделаю.

Пришла и жена младшего брата Ло. Они жили в одном дворе. Она сказала, что ее муж на дежурстве, но если что, можно сказать ей.

Обмен женихами долго скрывать было нельзя. Эти две семьи были для Лу Яна как родные, поэтому он вкратце все рассказал, а затем поведал о своих трудностях.

Его история за эти несколько дней была настолько насыщена событиями, что все трое слушали, разинув рты, и злились.

Было уже поздно, и им нужно было возвращаться в деревню. Ло Да-юн велел Лу Яну подождать, попросил жену сходить в дом за деньгами, а сам переоделся в форму стражника, подпоясался длинным мечом, надел черные сапоги и вышел, чтобы проводить Лу Яна в деревню и поддержать его.

Лу Ян радостно улыбнулся. По дороге они сделали крюк, и Ло Да-юн одолжил у кого-то повозку с ослом.

Лу Яну было трудно выбирать в уезд, поэтому он хотел заодно купить мяса, яиц, риса и муки. Масло и соль тоже были на исходе.

Ло Да-юн и так собирался купить ему кое-что в дорогу, так что они пошли вместе.

Лу Ян сказал, что хочет продавать баоцзы, но ездить к восточным воротам было слишком далеко, и попросил Ло Да-юна переговорить с братьями в управе, чтобы те присматривали за ним.

— Когда заработаю, угощу вас вином!

— Мелочи, — отмахнулся Ло Да-юн.

В жизни все строится на взаимопомощи.

Такие просьбы — самые простые. Ты помогаешь мне, я — тебе, и не нужно об этом помнить.

— Я решил продавать баоцзы, — настаивал Лу Ян. — Ты же знаешь, как я готовлю, я точно заработаю.

Ло Да-юн кивнул и заговорил о муже Лу Яна.

— Слишком уж он мягкотелый, не пара тебе.

Лу Ян не согласился.

— Ну что ты, он ученый, как ему спорить с толпой мужланов? И семья у него маленькая. На самом деле, он очень умный, я его еще научу.

Ло Да-юн не любил ученых. Для таких простых людей, как они, которые живут своей жизнью, не стоило связываться с учеными.

Капризные, жеманные, медлительные, да еще и высокомерные. По дому ничего делать не умеют, денег не зарабатывают, а гонору — хоть отбавляй. Многие ли из них добиваются успеха? Связываться с ними — себе дороже.

Лу Ян решил рассказать о пышности своей свадьбы.

Ло Да-юн признал, что это было впечатляюще. В уезде обычно просто накидывали на голову красный платок и вводили в дом. Такой подход говорил о серьезности намерений.

Но какая польза от серьезности, если все закончилось таким скандалом?

Если бы не бойкий характер Лу Яна, его бы наверняка затерроризировали.

Лу Ян не стал спорить и убеждать Ло Да-юна немедленно принять Се Яня. Время покажет.

Они вместе отправились за покупками. Лу Ян, пользуясь случаем, зашел к мяснику Лю и попросил его оставить для него несколько поросят.

Если можно в долг — еще лучше. Теперь, когда он вернулся в деревню, он собирался разводить свиней.

Мясник и сам держал свиней, но не так много, и сотрудничал с опытными свиноводами, покупая у них животных на постоянной основе.

Поросят продавал, а откормленных свиней покупал. У обычных людей без связей не было возможности заниматься свиноводством.

Если свинья умирала, мясник прекращал сотрудничество.

Лу Ян был известен в районе восточных ворот своей деловитостью.

За что бы он ни брался, он все делал на совесть и быстро учился. Они договорились, что до конца года он скажет, сколько ему нужно, и весной мясник постарается оставить для него поросят.

Разговор перешел к делу.

Ло Да-юн купил для него полтуши свинины. Даже Лу Ян с его наглостью был смущен.

Ло Да-юн велел ему взять:

— Скоро праздники. Тебе нужно и с деревенскими разбираться, и деньги зарабатывать, твоему мужу учиться надо, да и с твоей семьей не все гладко. Как ты будешь жить? Возьми эту свинину, половину пусти на баоцзы на продажу, начинай дело поскорее. Что не съедите, засоли на зиму, хоть какое-то мясо в доме будет. Посмотри на себя, худой какой, ешь побольше, поправляйся.

Лу Ян едва не расплакался.

Он широко раскрыл глаза, чтобы сдержать слезы, и сказал Ло Да-юну:

— Хорошо. В следующий раз, когда увидимся, я приведу ребенка, чтобы он назвал тебя дядей.

Ло Да-юн потерял дар речи.

«Чтобы родить ребенка, нужно десять месяцев. Он что, не собирается со мной больше видеться?»

Закончив с покупками, Ло Да-юн на повозке с ослом отвез Лу Яна к лавке, чтобы забрать Се Яня.

Увидев, что Лу Ян привел с собой стражника, Се Янь снова замер с растерянным выражением лица.

Ло Да-юн чуть не закатил глаза.

Лу Ян велел Се Яню называть его старшим братом.

— Это старший брат Ло, он мне ближе родного. Впредь, когда увидишь его, тоже зови братом. Он сегодня поедет с нами в деревню и останется у нас.

Услышав, что это «старший брат», Се Янь понял, что это личные отношения.

Хотя в форме стражника был Ло Да-юн, он все равно смотрел на своего маленького супруга с восторгом.

Стоявший рядом Ло Да-юн промолчал.

По дороге домой без расспросов не обошлось. Се Янь снова рассказал Ло Да-юну все то, что утром говорил Лу Яну.

Ло Да-юн вырос на улице и служил в управе, он видел всяких людей. После разговора он понял, что Се Янь — странный.

С виду — растерянный, а говорит о делах ясно и толково, не похож на глупца.

Неудивительно, что Лу Ян назвал его умным.

Нужно было научить его житейской мудрости и привить немного жесткости, чтобы он мог стать главой семьи и опорой.

Этим вечером в деревне Шансицунь снова было шумно.

Зимой в деревне много бездельников. Прождав целый день, люди, оправившись от утреннего испуга, снова обрели уверенность. В конце концов, семья Се столько лет была беззащитной, они не верили, что гээр из семьи Лу осмелится войти в двери управы.

— Наверняка у порога от страха в штаны наложит!

Многие так говорили, но все равно с нетерпением смотрели на дорогу.

Людей на дороге было мало. Заметив кого-то, они оживлялись, но, поняв, что это не Лу Ян и Се Янь, разочарованно бормотали что-то, чтобы подбодрить себя.

Наконец, они увидели тех, кого ждали.

Лу Ян и Се Янь вернулись, и с ними — стражник.

Тот, кто говорил, что у Лу Яна подкосятся ноги, сам еле стоял на ногах.

Тот, кто говорил, что Лу Ян наложит в штаны, сам обмочился.

Увидев деревню, Ло Да-юн сделал суровое лицо.

С самого въезда он сдвинул брови и сверлил всех ледяным взглядом.

Чувствуя поддержку, Лу Ян указывал Ло Да-юну на каждого.

— Этот на свадьбе буянил, тот ко мне приставал, а вон тот ударил моего чжуаньюаня по голове!

Се Янь закрыл лицо руками.

Как же ему убедить своего супруга, что он не чжуаньюань?

Но Ло Да-юн, услышав это преувеличенное обращение, даже бровью не повел, словно так и должно было быть.

Се Янь промолчал.

«Кажется, я здесь лишний».

Этим вечером в доме Се тоже было шумно.

Лу Ян радушно принимал старшего брата, а жители деревни один за другим приходили просить прощения.

Се Яню надоел шум. Он выпроводил их и, закрыв ворота, вернулся, чтобы составить компанию за столом.

Ло Да-юн впервые посмотрел на него с уважением и сказал, что в нем есть мужское начало.

Се Янь запомнил это. Вечером, ложась спать, он спросил Лу Яна, что значит «мужское начало».

Лу Ян рассмеялся.

— У меня спрашиваешь? А мы с тобой в каких отношениях? Сколько силы ты в меня вложишь, настолько мужчиной и будешь.

Се Янь сник.

Он сегодня много ходил и устал.

Лу Ян не переставал смеяться. Он смотрел на Се Яня и снова смеялся.

Так повторилось несколько раз, и Се Янь снова был готов к действию.

Он был хорошим учеником. Всего за одну ночь он запомнил все устные наставления Лу Яна и на практике познал силу и продолжительность.

Лу Ян не был альтруистом, он делал это для собственного удовольствия. Обучая Се Яня, он служил себе.

Поэтому, когда Се Янь снова приступил к делу, он старался угодить супругу.

Он кусал там, где нравилось Лу Яну.

Он ласкал с той силой, которая нравилась Лу Яну.

Направление поцелуев и ласк, время вхождения и частота толчков — все было так, как нравилось Лу Яну.

Лу Ян назвал его чжуаньюанем.

— У тебя фотографическая память.

Се Янь от этого чуть не сник.

Он намеренно прибавил силы, и Лу Яну это понравилось еще больше.

Когда Лу Ян был доволен, он с удовольствием называл Се Яня по имени.

Се Янь был хорош в выводах и тут же понял: Лу Ян, как и его дикая натура, в близости предпочитает напор.

Ему нужно было укреплять свое тело.

Тем временем, в деревне Ли.

Днем у Лу Лю выдалось свободное время, и он, как и планировал, принялся распаривать одну из своих стеганых курток. Работа с иглой и ниткой была медленной, и, казалось бы, простое дело заняло несколько часов.

Вечером он готовил ужин. Осталась тарелка мяса со свадебного стола, он разогрел ее и пожарил немного зелени.

В обед рыбный суп был не очень сытным, и Ли Фэн ел его просто так, а голод утолял мясом. Лу Лю решил приготовить что-нибудь более подходящее к рису.

Обычно он ел соленья, но Ли Фэн их не очень любил, разве что маринованную редьку.

Лу Лю задумался. Оглядев кухню, он увидел в шкафу остатки тофу и решил приготовить его в соевом соусе.

Соевой пасты в доме было много, целых два кувшина, как раз пригодилась.

У Лу Лю был свой подход к готовке. Его семья была бедной, и они экономили на всех приправах. Но без них еда была невкусной. С тех пор, как он научился готовить, он добавлял приправы по крупицам, и за долгие годы научился точно их дозировать.

Слишком много — солено и жирно, слишком мало — пресно и безвкусно, а в мясных блюдах мог остаться неприятный запах. У него же все получалось в самый раз.

Он нарезал тофу ломтиками толщиной в полпальца.

Взбив яйцо, он обмакнул в него каждый ломтик, а затем на медленном огне обжарил на сковороде.

Ли Фэн ел много, а тофу был всего один кусок. Лу Лю нарезал еще полкочана капусты. Когда тофу был готов, он обжарил капусту до мягкости, вернул в сковороду тофу, добавил воды, соевой пасты и оставил тушиться. Затем нарезал зеленый лук.

Когда Ли Фэн вернулся, он перемешал тофу с капустой, выложил в большую суповую миску и посыпал зеленым луком. Блюдо выглядело и пахло восхитительно.

На ужин был вчерашний рис. В обед сварили слишком много.

Собаке больше нельзя было давать потроха, поэтому ей просто добавили в миску человеческой еды.

Ли Фэн сказал, что не нужно каждый раз готовить для Эр-хуана отдельно, достаточно подкармливать его время от времени.

Лу Лю расставил еду на столе, и Ли Фэн, вымыв руки, сел ужинать.

Вечером он принес домой свежеприготовленные няньгао, которые пахли рисом.

Лу Лю потянул носом. Ему расхотелось есть рис, захотелось няньгао.

Днем Ли Фэн ходил делать няньгао, и мать снова его отругала. Но обеденный рыбный суп был таким вкусным, что вечером, увидев Лу Лю, он был в хорошем настроении.

Он положил на жаровню решетку и поместил на нее два куска няньгао.

— Позже поедем, — сказал он.

Лу Лю энергично кивнул.

— Будем есть с коричневым сахаром, — добавил Ли Фэн.

У Лу Лю потекли слюнки.

Ему казалось, что если он будет так вкусно есть, сами небеса ему позавидуют.

Он поджал губы и сказал:

— Мне не нужно сахара, я люблю просто няньгао.

Ли Фэн уже уплетал ужин.

Делать няньгао — тяжелая физическая работа, и он очень устал за день.

Лу Лю, видя, как жадно он ест, забыл, что няньгао можно есть прямо во время приготовления, и сказал:

— Может, мне завтра испечь тебе с собой яичных лепешек?

Ли Фэн подумал и согласился.

Под присмотром матери он бы не остался голодным, но если Лу Лю даст ему с собой лепешки, мать увидит, что тот хочет жить с ним в согласии.

Ему очень понравился тофу. Он был приготовлен так ароматно.

Соус пропитал каждый кусочек, делая его соленым и сытным, но не слишком, так что он не надоедал и не был приторным.

Капуста тоже пропиталась соусом, и после нее во рту оставался приятный привкус.

После женитьбы младшего брата он переехал в старый дом в деревне. Мать не могла приходить каждый день, и он питался как придется.

А тут, только женился, и такой прекрасный день.

Лу Лю, видя, что ему нравится, подумал, что тофу стоит недорого, а Старина Чэнь как раз его делает. Зимой тофу хранится долго. Когда придет время визита к родителям, он попросит у него немного.

Капуста росла в огороде, соевая паста была. Можно было готовить такими большими порциями, и это не разорит их.

Он радовался своим мыслям. Какой же он экономный и домовитый!

Ли Фэн перевернул няньгао. Они уже подрумянились и источали соблазнительный аромат.

Он спросил Лу Лю, чему тот улыбается.

— Я подумал, раз ты любишь тофу, а мой отец его делает, то когда я поеду к родителям, попрошу у него побольше.

«Попросишь?»

— А он даст? — поднял голову Ли Фэн.

Лу Лю подумал, что должен дать.

— Мы же одна семья, что такого в куске тофу?

Старина Чэнь ведь и сам велел ему приносить вещи из дома Ли. Так что пусть сначала проявит щедрость, дав пару кусков тофу.

Ли Фэн был в предвкушении.

Няньгао приготовились, и он принес для Лу Лю коричневый сахар.

Сахарница была почти пуста, и Лу Лю было неловко просить.

Ли Фэн велел ему есть. Он разломил оба куса няньгао пополам и равномерно посыпал мягкую сердцевину сахаром.

Один кусок он отдал Ли Фэну, а другой взял себе.

Хрустящая корочка поддалась с легким треском, обнажая обжигающе-горячую и нежную клейкую сердцевину. Мягкая текстура таяла во рту, а сладость растаявшего сахара с его мелкими крупинками создавала удивительное ощущение на языке.

Лу Лю ел, прикрыв глаза от удовольствия.

— Я ем няньгао с коричневым сахаром только на новый год, — сказал он.

Обычно в канун нового года, когда вся семья сидела у огня, он жарил несколько кусков няньгао и высыпал на них остатки сахара из сахарницы. Все было как сегодня.

Ли Фэн тоже не каждый день ел досыта, особенно после того, как стал жить один.

Они ели, прерываясь на сладкое, а затем, запив водой, продолжали ужин.

Говорят, для народа еда — это небо. И это правда. Сытый и довольный Ли Фэн выглядел не таким суровым, его черты смягчились, и он казался добрым и покладистым.

После ужина нужно было умываться и ложиться спать.

Этим вечером Лу Лю сам набрал воды. Он хотел, как и вчера, поливать из ковша на тряпку и так умываться.

Но Ли Фэн велел ему взять в комнате таз.

В доме ведь не было таза.

Лу Лю, недоумевая, послушно пошел в комнату и действительно увидел там таз.

Деревянный, ненамного больше суповой миски, но для умывания вполне подходящий!

Он и не знал, когда Ли Фэн успел его принести.

Взяв таз в обе руки, Лу Лю забыл об умывании и пошел за Ли Фэном.

На задний двор — проведать Эр-хуана, на передний — закрыть ворота, а затем снова за ведром, чтобы набрать воды.

— Чему ты так радуешься? — не понял Ли Фэн. — Обычный таз.

— Ты-то им не пользуешься, а мне он нужен, — сказал Лу Лю. — Раз ты принес его для меня, значит, хочешь, чтобы мне было удобно. Ты обо мне подумал, и я счастлив.

Ли Фэн был застигнут врасплох. Такая похвала и искренние слова заставили его невольно улыбнуться.

— А если бы я принес два таза, насколько бы ты был счастлив?

— У меня же не два лица, — моргнул Лу Лю.

«Для мытья задницы, что ли?»

Какой наивный.

Ли Фэн повел его умываться вместе.

Впервые в жизни этот суровый мужчина умывался из таза, да еще и вместе с супругом.

Надо было купить побольше. В этот маленький таз его две руки едва помещались. Супруг сам выжал ему тряпку и вытер лицо.

На самом деле, он купил два таза. Лу Лю был маленького роста, и ему было неудобно мыть ноги в ведре.

Сидя на кане, он не доставал до воды, а сидя на стуле, не мог закинуть ноги в высокое ведро.

С тазом для ног Лу Лю заставил и Ли Фэна мыть ноги вместе.

Он был весь светлый, а ступни, скрытые от солнца, — еще светлее. К его удивлению, Ли Фэн был смуглым с головы до ног. Ну, не черным, а цвета пшеницы. И ноги у него были такого же цвета.

Размер ноги у него был немаленький, но по сравнению с Ли Фэном его ступни казались крошечными.

Может, ему нравилась статность и сила Ли Фэна, и то чувство безопасности, которое он давал, а может, Ли Фэн и сам вел себя дружелюбно, но Лу Лю, который боялся многого, рядом с ним не испытывал страха.

Он покраснел, понимая, что это, возможно, флирт. Во время мытья ног он все время норовил наступить на ногу Ли Фэна.

Когда Ли Фэн смотрел на него, он говорил:

— Я помогаю тебе мыть ноги.

Это слово «помогать», подслушанное перед свадьбой, стало для него универсальным ответом на все случаи жизни.

Когда Ли Фэн прижал его ногу своей и не давал двигаться, он смеялся до слез, не в силах сдержать радость.

Что это значило?

Лу Лю не говорил.

Воду ему выливать не пришлось. Вытерев ноги, он забрался под одеяло греться.

Сам он не мог согреть постель и, свернувшись калачиком, ждал, когда ляжет Ли Фэн, чтобы прижаться к большой грелке.

Этой ночью он спал, избегая «палки». Только когда Ли Фэн сказал, что пора «помогать», он вспомнил, чему научился утром, и, избегая его горящего взгляда, нащупал под одеялом то, что едва помещалось в его руке.

Ли Фэн перевернулся, и под одеяло ворвался холодный воздух. Лу Лю не успел задрожать, как его накрыло тело Ли Фэна, и ему тут же стало жарко.

Грубые поцелуи, падавшие на его тело, не принесли ожидаемой боли, и он постепенно расслабился.

Кажется, он только сейчас понял, что губы — мягкие, и их прикосновение к коже не причиняет боли. Ли Фэн ведь не зверь, чтобы его рвать на части.

На самом деле, Ли Фэн его кусал.

Его уши, губы, шею и грудь. Кусал по-разному.

Прирученный зверь не причинит вреда, и прикосновение зубов было для Лу Лю в новинку.

Он постоянно переходил от напряжения к расслаблению, и даже его дыхание подчинялось Ли Фэну.

Сегодня, получив разрешение и наставления Ли Фэна, Лу Лю погладил Эр-хуана и ему очень понравилось это пушистое ощущение. Эр-хуан лизнул ему руку.

Волосы Ли Фэна тоже были пушистыми. Лу Лю обнял его голову и, не в силах сдержаться,

запустил пальцы в его волосы. А Ли Фэн, как и Эр-хуан, поймал его руку и принялся целовать и лизать.

То, что было во рту, было слишком большим, и ему было трудно. К счастью, Ли Фэн обладал главным качеством охотника — терпением.

Лу Лю также недооценил выносливость охотника, который мог в одиночку бродить по лесу. Он думал, что после целого дня приготовления няньгао Ли Фэн быстро устанет.

Но за одним разом последовал другой. Он устал раньше Ли Фэна.

Устав до слез, он набрался смелости и попросил Ли Фэна поцеловать его.

Он был беззащитен и еще не научился просить пощады. Вместо этого он наивно сказал то, что только разожгло огонь.

Он похвалил Ли Фэна за его мягкие губы.

Эта ночь была бессонной.

<http://bllate.org/book/16991/1583358>